

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

КОЛОКОЛЬНАЯ БЕЗДНА

Ганс Христиан Андерсен

Колокольная бездна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25013203

Аннотация

«„Бом-бом!“ раздаётся звон из колокольной бездны реки Одензе. – Это что за река? – Её знает любой ребёнок в городе Одензе; она огибает сады и пробегает под деревянными мостами, стремясь из шлюзов к водяной мельнице. На речной поверхности плавают жёлтые кувшинки, колышатся тёмно-коричневые султанчики тростника и высокая бархатная осока. Старые дуплистые, кривобокие, скорчившиеся ивы, растущие возле монастырского болота и луга белильщика, нависают над водою. По другому берегу тянутся разные сады. В некоторых растут чудесные цветы, красуются чистенькие, словно игрушечные, беседки, в других виднеется одна капуста, а иных так и самих не видно: густые, раскидистые кусты бузины теснятся к самой реке, которая в иных местах так глубока, что веслом и не достать до дна...»

Ганс Христиан Андерсен

Колокольная бездна

«Бом-бом!» раздаётся звон из колокольной бездны реки Одензе. – Это что за река? – Её знает любой ребёнок в городе Одензе; она огибает сады и пробегает под деревянными мостами, стремясь из шлюзов к водяной мельнице. На речной поверхности плавают жёлтые кувшинки, колышатся тёмно-коричневые султанчики тростника и высокая бархатная осока. Старые дуплистые, кривобокие, скорчившиеся ивы, растущие возле монастырского болота и луга белильщика, нависают над водою. По другому берегу тянутся разные сады. В некоторых растут чудесные цветы, красуются чистенькие, словно игрушечные, беседки, в других виднеется одна капуста, а иных так и самих не видно: густые, раскидистые кусты бузины теснятся к самой реке, которая в иных местах так глубока, что веслом и не достать до дна. Самое глубокое место против Девичьего монастыря; зовётся оно «колокольную бездной», и в бездне этой живёт дедушка-водяной. Весь день, пока солнечные лучи проникают в воду, он спит, а ночью, при свете месяца и звёзд всплывает на поверхность. Он очень стар. Ещё бабушка моя слышала от своей бабушки, что он живёт один-одинёшенек, и нет у него другого собеседника, кроме огромного, старого церковного колокола. Когда-то колокол этот висел на колокольне церкви Санкт-

Альбани; теперь ни от колокольни, ни от церкви не осталось и следа.

«Бом-бом-бом!» – звонил колокол, когда ещё висел на колокольне, и раз вечером, на закате солнца, раскочнулся хо-рошенько, сорвался и полетел... Блестящая медь так и за-сверкала пурпуром в лучах заходящего солнца.

«Бом-бом! Иду спать!» – зазвонил колокол и полетел пря-мо в реку Одензе, в самое глубокое место, которое и прозва-ли с тех пор «колокольною бездной». Но не удалось колоко-лу уснуть, успокоиться: он звонит в жилище водяного так, что слышно иной раз и на берегу. Люди говорят, что звон его предвещает чью-нибудь смерть, но это неправда. Коло-кол звонит, беседуя с водяным, и последний теперь уже не так одинок, как прежде.

О чём же звонит колокол? Колокол очень стар; говорят; что он звонил на колокольне ещё раньше, чем родилась ба-бушкина бабушка, и всё-таки он ребёнок в сравнении с са-мим водяным, диковинным стариком, в штанах из угриной кожи и чешуйчатой куртке, застёгнутой жёлтыми кувшинка-ми вместо пуговиц; волосы его опутаны тростником, борода покрыта зелёною тиной, а от этого красивее не будешь!

Чтобы пересказать всё, о чём звонит колокол, понадоби-лись бы целые годы. Он звонит обо всём, часто повторяет то же самое, иногда пространно, иногда вкратце – как ему взду-мается. Он звонит о старых, мрачных, суровых временах...

«На колокольню церкви Санкт-Альбани взбирался монах,

молодой, красивый, но задумчивый, задумчивее всех... Он смотрел в слуховое оконце на реку Одензе, русло которой было тогда куда шире, на болото, бывшее тогда озером, и на зелёный „Монастырский холм“. Там возвышался „Девичий монастырь“; из кельи монахини светился огонёк... Он знал её когда-то!.. И сердце его билось сильнее при воспоминании о ней!.. Бом-бом!»

Так вот о чём звонит колокол.

«Подымался на колокольню и слабоумный послушник настоятеля. Я мог бы разбить ему лоб своим тяжёлым медным краем: он садился как раз подо мною, да ещё в то время, когда я раскачивался и звонил. Бедняк колотил двумя палочками по полу, словно играл на цитре, и пел: „Теперь я могу петь громко о том, о чём не смею и шептать, петь обо всём, что скрыто за три-девятью замками!.. Холодно, сыро!.. Крысы пожирают его заживо!.. Никто не знает о том, никто не слышит – даже теперь, – колокол гудит: бом-бом!“»

«Жил-был король, звали его Кнудом. Он низко кланялся и епископам и монахам, но когда стал теснить ютландцев тяжёлыми поборами, они взялись за оружие и прогнали его, как дикого зверя. Он укрылся в церкви, запер ворота и двери. Разъярённая толпа обложила церковь; я слышал её рев; вороны и галки совсем перепугались и в смятении то взлетали на колокольню, то улетали прочь, тарацились на толпу, заглядывали в окна церкви и громко вопили о том, что видели. Король Кнуд лежал распростёртый перед алтарём и

молился; братья его Эрик и Бенедикт стояли возле него с обнажёнными мечами, готовясь защищать короля; но вероломный слуга Блаке предал своего господина.

Толпа узнала, где находится король, и в окно был пущен камень, убивший его на месте... То-то ревела и выла дикая толпа, птицы кричали, а я гудел и звонил: бом-бом-бом!»

Церковный колокол висит высоко, видит далеко! Его навещают птицы, и он понимает их язык! Посещает его и ветер, врываясь в слуховые окна, во все отверстия и щели, а ветер знает обо всём от воздуха, – воздух облегает, ведь, землю и всё живое, проникает даже в лёгкие человека и воспринимает каждый звук, каждое слово, каждый вздох!.. Воздух знает обо всём, ветер рассказывает, колокол внимает ему и звонит на весь мир: бом-бом-бом!..

«Но уж слишком много приходилось мне слушать и узнавать, сил не хватало звонить обо всём! Я устал, отяжелел, и балка обломилась, а я полетел по сияющему воздуху прямо в глубину реки, где живёт водяной! Он одинок, и вот, я рассказываю ему из года в год о том, что слышал и видел на свете: бом-бом-бом!»

Так вот какой звон раздаётся из колокольной бездны реки Одензе, – я слышал об этом от бабушки.

А школьный учитель наш говорит: «Какой там может звонить колокол? Никакого там нет колокола! Нет и водяного, – водяных совсем нет!» Когда же слышится весёлый звон церковных колоколов, он говорит, что это звучат, собственно,

не колокола, а воздух; воздух производит звук.

Тоже, ведь, говорила и бабушка со слов церковного колокола; в этом учитель сошёлся с нею, значит, это так и есть.

«Гляди в оба, и на себя оглядывайся!» – говорят и бабушка и учитель.

Да, воздух знает обо всём! Он и вокруг нас, и в нас, он оглашает все наши мысли, все наши деяния и будет оглашать их куда дольше, чем колокол, что лежит на дне у водяного. Воздух разглашает всё по небесной бездне, и звуки уносятся выше, дальше, бесконечно далеко, пока не дойдут до небесных колоколов, и те, в свою очередь, не зазвонят: бом-бом-бом!